

дается духовными лицами (это право предоставлено имъ закономъ); нужно-ли перекочевать съ мѣста на мѣсто, ѣхать куда нибудь, калмыкъ обращается къ *Зурхачею* для назначенія ему счастливаго дня. Но кромѣ всего этого, духовенство нерѣдко противоѣдствуетъ правительству въ преслѣдованіи преступленій, скрываетъ преступниковъ⁽¹⁾, учитъ какъ отвѣчать при допросахъ, и часто превратно толкуетъ народу распоряженіе правительства“. Въ 1837 году по официальнымъ свѣдѣніямъ числилось: калмыцкаго духовенства 5,270 душъ; а кибитокъ или семействъ калмыковъ, во всѣхъ улусахъ 12,967. Нынѣ-же въ одномъ Малодербетовскомъ улусѣ считается болѣе 10 тысячъ кибитокъ; а потому можно положительно сказать, что и число калмыцкаго духовенства должно быть гораздо больше означенной цифры. Изъ всего вышесказаннаго г. Костенковъ выводитъ, что калмыцкій народъ, оставленный на произволъ невѣжественнаго духовенства, погибнетъ окончательно. Потому-что оно безжалостно обираетъ кочевниковъ; отчего стенины скотоводы мало-по-малу бѣднѣютъ, а хурумы постоянно богатѣютъ. При каждомъ хурумѣ есть скотъ, количество котораго доходитъ до огромной цифры, и кромѣ того, каждый гелюнгъ имѣетъ свои собственные стада.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе).(2)

II.

Указавъ кратко на нѣкоторыя изъ началъ, лежащихъ въ основѣ русской цивилизаціи, мы попробуемъ по этимъ даннымъ опредѣлить, что выйдетъ изъ нихъ на вышей, какаѣ только возможна, степени ихъ развитія.

Факты показали намъ, что въ народѣ нашемъ крѣпка вѣра православная, что крѣпокъ въ немъ и разумокъ. Оба эти фактора до настоящаго времени лежали въ немъ отдѣльно; не прикасаясь другъ къ другу. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, съ большимъ проясненіемъ сознанія и разумокъ начнетъ болѣе

(1) Иногда разсыпаннаго преступника гелюнги показываютъ умершимъ, тѣмъ дѣло и оканчивается; прежде метрять у нихъ не было; нынѣ хотя и выданы книги, но ихъ никто не ищетъ. Живому мертвену мѣняютъ имя. Выбегу Н о х о й к и, напр. назовутъ его Б а с а н к о й, и съ этимъ именемъ онъ преспокойно разгуливаетъ въ стенихъ, утѣряя всѣхъ и каждаго что имя ему переимено по указанію Зурхачея, который нашолъ, что прежде имя несчастно; отчего онъ часто хворалъ. А это, по уставу ламантовъ, разрѣшается.

(2) См. Астрах. Епарх. Видом. №№ 1 и 2, 1879 г.

обширную дѣятельность. Несомнѣнно, что онъ прежде всего приступитъ къ анализу, и начнетъ провѣрять всѣ факты своего познанія, принятае на вѣру—и конечно скептицизмъ, какъ необходимый фазисъ развитія, необходимъ будетъ и здѣсь. Но мы рѣшаемся утверждать, что исходъ его будетъ благополучный. Такъ мы можемъ думать съ большою достовѣрностью, что русской мысли не нужно будетъ блуждать по темному лабиринту мелкихъ разысканій, изслѣдованій, соображеній и т. д. Она можетъ пользоваться готовыми результатами научной дѣятельности Запада; ей предстоитъ трудъ только повѣрить и оцѣнить добытые результаты. Послѣ борьбы—вѣра и разумокъ раздѣлятъ между собою права на философскую дѣятельность. Произойдетъ, дастъ Богъ, примиреніе, и общими силами онъ создадутъ міросозерцаніе непоколебимое, полное, универсальное. Славяно-русскій смелъ, болѣе и болѣе питаемый новыми пріобрѣтеніями науки прогрессивно возрастаетъ въ своемъ объемѣ. Правда, что до состоянія полного развитія Славянскаго знанія и цивилизациі по видимому еще далеко, но—какъ плодъ собираемый земледѣльцемъ, есть результатъ его трудовъ и благоприятныхъ природныхъ условій, такъ и прочныя пріобрѣтенія, постепенно дѣлаемыя славяно-русскою цивилизаціею являюся результатомъ извѣстной религіозности русскихъ и развитія въ нихъ общиннаго начала и гражданственнаго строя.

Отъ развитія общиннаго начала можно ожидать самыхъ добрыхъ плодовъ для государственной жизни. Вотъ съ народа спята уже крѣпостная зависимость, развязаны руки, и онъ допущенъ къ участію въ дѣлахъ своего государства. Грамотность скоро развяжетъ скованную невѣжествомъ мысль. Тогда народъ пойметъ свое серьезное положеніе, свое значеніе, и задумаетъ крѣпкую думу. Силы у него много, энергія живая, и не колеблется, не отступая ни передъ какими трудностями, онъ воплотитъ въ своемъ обществѣ полную, истинную идею Православія. Духъ Христовъ, это единственно-истинное цивилизующее начало, войдетъ въ духъ народа, и выразится въ жизни и общественной практикѣ самыми гуманными и рациональнѣйшими формами. Твердо вѣря въ постоянное попеченіе о благѣ избранныхъ Самаго Спасителя, и будучи убѣжденъ, что *Духъ Святый наставитъ на всяку истину* (Іоан. 14, 24), народъ православный на самомъ дѣлѣ осуществитъ все, что почитъ въ себѣ добраго. Любовь и свобода соединитъ всѣхъ неразрывными узами, и явится общество могучее, состоятельное по своимъ внутреннимъ силамъ и разумное во вѣншихъ убѣжденіяхъ.

Теперь мы еще раз обратимся къ эстетическому элементу народа, къ его пѣвучести. Чѣмъ суждено быть русской пѣснѣ? Заболитъ-ли она, поющая все печаль—тоску, убитая горемъ, обиженная, или полетѣтъ полнымъ потокомъ, не останавливаясь, *время широко и утѣшая весь міръ*. Истощитъ-ли чувство въ позорныхъ оковахъ рабства, или разорветъ ихъ, и изъ наклѣпавшей груди издастъ новыя неслыханныя звуки? Нѣтъ, не русскому мощному сердцу склониться передъ горемъ—бѣдой; оно все перенесетъ, противъ всего устоитъ; оно проснется и найдетъ свою радость. Оно крѣпко вѣритъ въ себя,

„Поднимись, что силы
Размахни крылами,—
Можетъ наша радость
Живетъ за горами!“

(Коллцовъ).

И запоетъ оно тогда, гордое пережитой отрадой и славной побѣдой, такъ, что въ каждомъ звукѣ будетъ жизнь и смыслъ. Да, если въ итальянской музыкѣ слышится чувство легкое, поверхностное, извѣживающее, если въ нѣмецкой—видна серьезность, но отвлеченная и сухая мысль, стѣпенная классическою, взыскательной техникой, то въ русской музыкѣ услышимъ глубокое, много пережившее чувство и живую мысль; въ русской музыкѣ, которая не будетъ затрудняться средствами, для которой живая грудь отвѣтитъ вѣсто любого инструмента, въ этой музыкѣ скажется вся душа, до самой глубины своей, со вѣщимъ, что въ ней есть. Русская музыкальность дастъ музыкѣ полное содержаніе вѣсто одного легкаго чувства и вѣшнихъ формъ.

Вотъ, по нашимъ соображеніямъ, какіе плоды должны развиться изъ указанныхъ началъ. Этого ждетъ отъ русскаго народа развитое народное сознаніе. „Онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ, говоритъ оно Россіи. *Что пророчитъ сей необъятный просторъ?* Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родиться безиредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь-ли быть богатырю, когда есть мѣсто развернуться и пройтись ему?“⁽¹⁾.

III.

Послѣ всего сказаннаго нами естественно спросить: какіе-же плоды получить цивилизація міра отъ участія въ ней славянскаго, и въ особенности, русско-славянскаго племени?

Вліяніе славяно-русской цивилизаціи должно простираться, по преимуще-

(1) Гоголь. Мертв. душ. стр. 427.

ству, въ двухъ направленіяхъ, на востокъ и на западъ. Изложимъ результаты этого вліянія сначала въ отношеніи къ западу.

А.) Въ 19-мъ вѣкѣ цивилизація запада достигла той полноты развитія, когда значеніе ея очевидно для всякаго болѣе или менѣе наблюдательнаго человѣка. Но результатомъ этой полноты—было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому цивилизація запада оказалась неудовлетворительною, что наука потеряла въ ней свою жизненную силу; не потому что та, или другая внѣшняя форма тяготѣла надъ отношеніями людей, или препятствовала развитію господствовавшаго направленія; напротивъ внѣшняя жизнь никогда не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ требованіями умственными и борьба могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію. Но чувство недовольства и безнадежности легло на сердца людей, мысль которыхъ не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, потому-что торжество ума обпаружило односторонность коренныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности познаний имѣлъ только отрицательное значеніе для внутренняго созерцанія западнаго человѣка; онъ отвергъ иной источникъ познания помимо разума; онъ, измѣнивъ Православію, уничтожилъ цѣльность созерцанія. Отъ этого жизнь потеряла свой существенный смыслъ; она не была проникнута однимъ глубокимъ и сильнымъ убѣжденіемъ; потому-что она не украшалась ни надеждою, ни согрѣвалась глубокимъ сочувствіемъ—этими отрадными дарами святаго Православія. Гордый западъ своими антирелигіозными воззрѣніями разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ съ самаго начала своего развитія стояло просвѣщеніе Запада... Вездѣ благодѣтельнаго воздѣйствія Православія, абсолютизмъ западной теологіи смѣнился абсолютизмомъ философіи, которая въ свою очередь должна уступить мѣсто абсолютизму эмпирической положительной науки, то есть такой, которая имѣетъ своимъ предметомъ не начала и причины, а только явленія и ихъ общіе законы. Но—общіе законы суть только общіе факты, и по признанію одного изъ представителей эмпиризма, — „высшее совершенство для положительной науки можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность свести всѣ явленія къ одному общему закону или общему факту, наприм. къ факту всемірнаго тяготѣнія, который уже не сводимъ ни къ чему другому, а можетъ быть только констатированъ наукой? Но для ума человѣческаго теоритическій интересъ заключается не въ познаніи факта какъ такого, не въ констатированіи его существованія, а въ его

объясненіи, то есть въ познаніи его причинъ, а отъ этого-то познанія и отказывается современная наука (Запада). Я спрашиваю: почему совершается такое-то явление, и получаю въ отвѣтъ отъ науки, что это есть только частный случай другого болѣе общаго явленія, о которомъ наука можетъ сказать только, что оно существуетъ. Очевидно, что отвѣтъ не имѣетъ ни какого отношенія къ вопросу и что „современная наука Запада предлагаетъ нашему уму камни вмѣсто хлѣба“. Не менѣе очевидно, что такая наука не можетъ имѣть прямого отношенія ни къ какимъ высшимъ цѣлямъ человѣческой дѣятельности, и притязаніе давать для жизни идеальное содержаніе было-бы со стороны *такой* науки только забавнымъ. Если-же подлинной задачей науки признавать не это простое констатированіе общихъ фактовъ или законовъ, а ихъ дѣйствительное объясненіе, то должно сказать, что „въ настоящее время западная наука совсѣмъ не существуетъ“, все-же, что носитъ теперь это имя, представляетъ на самомъ дѣлѣ только безформенный и безразличный матеріалъ будущей (славяно-русской) истинной науки; и понятны, что зияждительныя начала необходимыя для того, чтобы этотъ матеріалъ превратился въ стройное научное зданіе, не могутъ быть выведены изъ самаго этого матеріала, какъ планъ постройки не можетъ быть выведенъ изъ самаго этого матеріала—кирпичей, которые для нея употребляются“⁽¹⁾. Эти зияждительныя начала должны быть получены отъ высшаго рода знанія, отъ того знанія, которое имѣетъ своимъ предметомъ абсолютныя начала и причины, слѣдовательно истинное построеніе науки возможно только въ ея тѣсномъ внутреннемъ союзѣ, и притомъ на началахъ вселенскаго Православія, съ теологіей и философіей, какъ высшими членами одного умственного организма, который только въ этой своей цѣлости можетъ получить силу и надъ жизнью. Но такой синтезъ не противорѣчитъ-ли совершенно-общему духу западнаго развитія? „Та исключаящая отрицательная сила, которая раздѣлила и удлинила различныя сферы западной жизни и знанія, не можетъ сама-по-себѣ снова соединить ихъ. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить тѣ научныя попытки синтеза, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ на западѣ. Такъ наприм. метафизическія системы Шопенгауера и Гартмана настолько сами безсильны въ области верховныхъ началъ знанія и жизни, что должны обращаться за этими началами къ Буддизму“⁽²⁾.

(1) Выдержка изъ рѣчи профес. Москов. универ. Вл. Соловьева, прочитанной въ публич. засѣдан. Общ. Любит. Россійск. Словесн.

(2) Ibid.,

Въ исторіи человѣчества, время отъ времени, наступаютъ критическіе періоды, обозначающіе упадокъ мыслительной способности и нравственныхъ свойствъ народовъ, а затѣмъ наступаетъ переработка всего человѣчества. Въ наше время именно и замѣчаются эти два симптома: упадокъ нравственности и потемнѣніе мыслительной способности народовъ Европы. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина того крайне неслѣпнаго, безбожнаго и безнравственнаго направленія, какое видимъ нынче въ разработкѣ наукъ. Если нравственность упала, а разумъ поглупѣлъ, — то какихъ-же идей можно дожидаться отъ наукъ, какъ не тѣхъ, которыя нынче проповѣдуются во всеуслышаніе, съ явнымъ намѣреніемъ поколебать вѣру во все? Страшно, конечно думать, что человѣчество оглупѣло, когда безпрестанно одно за другимъ слѣдуютъ разныя открытія, изобрѣтенія и приводятся въ дѣйствіе самыя удивительныя и колоссальныя предпріятія; однако все-таки это не помѣшало человѣчеству поглупѣть. Современная медицина, какъ-бы въ явнѣе доказательство такой бѣды, открыла недавно новый родъ болѣзни, а Бріеръ де-Буамонъ прискалъ ей и пріличное имя, назвавъ ее умествующимъ „размышляющимъ сумасшествіемъ“ (*folie raisonnante*). И нѣтъ повода думать, чтобы произведенія, подобныя напр. позитивной философіи и таковой-же религіи, не были плодомъ этой болѣзни. Послѣ этого, все уже сидѣніе въ домѣ умалашенныхъ и пьющіе быть туда посаженными философы, по христіански говоря, достойны нашей жалости. Но посреди этой эпидеміи „размышляющаго сумасшествія“, неужели не пробивается отъ источника истины ни одного отраднаго луча? Неужели у европейскаго человѣчества не осталось ничего для борьбы съ этой эпидеміей, тѣмъ болѣе страшной, что она имѣетъ видъ укрѣпляющаго и здороваго начала, а въ сущности есть ничто иное, какъ „размышляющее сумасшествіе?“ Нѣтъ, у западнаго человѣчества осталось еще очень много, осталось все, что нужно для человѣка, хотя этого и мало для тѣхъ, кто ведетъ родъ свой отъ скотовъ. Это *все*, оставшееся человѣчеству — есть *Вѣра и Церковь — Православныя*. Но это для западныхъ кичливыхъ умовъ, проникнутыхъ всеми обольщеніями и предразсудками западной болѣе или менѣе матеріалистической образованности стало невозможно... Это было и есть причиною, почему большая часть западныхъ мыслителей, не вынося ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными интересами, ни жизни односторонне уметвенной, не разъ обращались къ тому исходу, что составляли новыя начала жизни и истины, почерпая ихъ въ личной игрѣ сво-

ей фантазіи (наприм. начала коммунизма), но разъ пытались, и всегда съ полною неудачею, созидать на этихъ началахъ, великое зданіе цивилизаціи, и вотъ чаще и чаще стали являться ложныя, богохульныя системы. Плодомъ такой-то лихорадочпой дѣятельности западной мысли и были тѣ страшныя погромы въ жизни умственной (матеріализмъ крайній), нравственной (престиція, гражданскій бракъ и пр.)⁽¹⁾, общественной и политической (интернаціоналка, социализмъ и революціи...), какиихъ свидѣтелями мы часто бываемъ. (Венгерская революція, Бельгійская, Итальянская и недавняя Французская—съ ее коммуною и пр.) Такіе страшныя погромы, которые служатъ живымъ свидѣтельствомъ давняго внутренняго антагонизма и распада на западѣ, ясно свидѣтельствуютъ о несовершенствѣ его фальшивой, безнравственной, бездушноты цивилизаціи. Для примѣра возьмемъ хоть революцію Французскую 1789 года, о которой съ такимъ ребячскимъ энтузіазмомъ говорили и отъ которой такъ много выводили яко-бы важныхъ для челоуѣчества результатовъ. Результаты есть, но они гораздо легче, безъ всякой боли для государственнаго организма, достиглись-бы мирнымъ путемъ, конечно при иныхъ условіяхъ, при иной гуманнѣйшей цивилизаціи, основанной на любви Господа нашего Іис. Христа.

„Революція 1871 года, взываетъ парижская республиканская газета „La Montagne“, есть революція атеистическая. Наша республика поситъ на груди только вѣпокъ изъ иммортелей. Будемъ хоронить нашихъ мертвыхъ и любить нашихъ женщинъ—безъ молитвы!...“ Вотъ бездна, съ адскимъ хохотомъ указываемая челоуѣчеству современнымъ ученіемъ коммунистовъ, социаллетовъ и ихъ братій! Останавливается надъ злющею бездною—наблюдатель, и невольно вопрошаетъ себя: дѣйствительно-ли благотворны тѣ начала, которыя чертила Франція на знамени своемъ 1793-го, 1844-го и 1871-го годовъ? Воскресимъ въ памяти своей предвѣщанія нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго *Прудона* (пресловутаго проповѣдника коммунизма и революціонныхъ началъ): „Соціальная революція, писалъ Прудонъ въ какомъ-то необъяснимомъ наитіи духа пророческаго, можетъ повести только къ громадному перевороту, прямымъ послѣдствіемъ котораго было-бы сдѣлать почву безплодною и надѣть на общество рубаху для умалишенныхъ. Когда такое положеніе продлится лишь нѣсколько недѣль; когда, за тѣмъ, отъ вѣзанаго голода, погибнуть три—четыре милліона людей; когда правительство останется безъ всякихъ средствъ, а страна безъ производства и торговли;

(1) Одинъ изъ лучшихъ повѣвшихъ статистиковъ—Ванпейсъ не колеблется быстрое распространеніе во Франціи столь страшнаго общественной язвы, какъ самоубійство, приписать исключительно извращенію нравственности, которое, по словамъ его, отозвалось неблагоприятно въ увеличеніи и другихъ, въ высшей степени безнравственныхъ поступковъ, каковы напр. дѣтубійства и—въ особенности покушенія на женское цѣломудріе, недавно побудившія Британское правительство утвердить билль о введеніи тѣлеснаго наказанія. (Warrpaus, p. 445).

когда Парижъ будетъ голоденъ и несостоятеленъ; когда департаменты будутъ держать его въ осаждѣ и онъ не станетъ получать съѣстныхъ припасовъ; когда казна станетъ отбирать у обывателей серебро и драгоценности для отсылки ихъ на монетный дворъ; когда единственный способъ собиранія податей будетъ заключаться въ домовыхъ обыскахъ; когда проголодавшіеся шайки будутъ разхаживать по странѣ и заниматься организованнымъ грабёжомъ; когда крестьянинъ, стерегущій свою жатву съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, броситъ поле свое на произволъ судьбы; когда будетъ похищенъ первый снакъ, произведено нападеніе на первый попавшійся домъ и осквернена первая попавшаяся церковь; когда зажжеть будетъ первый факель и первая попавшаяся женщина подвергнется поруганію; когда пролита будетъ первая кровь и отрублена первая голова; когда вся Франція будетъ объята ужасами опустошенія, — тогда вы узнаете, что-такое социальная революція; это — необузданная, вооруженная, упоенная местью и яростью масса народа; это — пики, топоры, обнаженные сабли, ножи и молотки; это — мрачный и безмолвный городъ; это — полиція, стерегущая семейный очагъ... Всѣ мнѣнія будутъ считаться подозрительными; всѣ слова будутъ подслушиваемы и всѣ слезы выслѣживаемы; всѣ вздохи будутъ на счету, и даже молчаніе не устоять противъ шпионства и доносовъ. Реквизиціи сдѣлаются нестерпимыми, принудительные займы все будутъ возрастать, а бумажные деньги упадутъ въ цѣнѣ. Междоусобная война и чужеземцы на границѣ, безжалостные проконсулы, комитетъ общественной безопасности, высшій комитетъ съ желѣзнымъ сердцемъ — вотъ плоды такъ называемой социальной и демократической революціи. Я всѣми силами ненавижу социализмъ, который, по моему мнѣнію, ни къ чему не способенъ, безнравственъ и можетъ только создавать обманутыя жертвы и мошенниковъ. Объявляю это, въ виду подземной пропаганды, безстыдной чувственности и грязной литературы. Я чистъ, возглашаешь наконецъ Прудонъ, отъ социалистическихъ глупостей!

Къ сожалѣнію, это лишь пилатовское уможеніе рукъ предъ народомъ, вовлеченнымъ въ бездну коммунистическимъ учепіемъ разныхъ социаль-демократовъ со включеніемъ того самаго Прудона, которому такъ явно представились ужасныя его постѣдствія. *Аще Азъ, глаголетъ Господь, не наполню силы Духомъ Господнимъ, и судомъ и силою, еже возвѣстити Иакову нечестія его и Израилеви грѣхи его, — усрамятся видящии сонія и поспѣянии будутъ волсви, зане не будетъ послушай ихъ* (Мих. 3, 7—8).

Согласно съ идеями, проповѣдуемыми въ социалистической печати, такъ называемая религія есть язва духовенства; религіозная вѣра — надувательство болзовъ, самое страшное суевѣріе и главный врагъ всякаго прогресса; догматы — результатъ сумазброднаго невѣжества; ученію о безсмертіи души —

величайшій вредъ, потому-что оно разслабляетъ духъ человѣческой, дѣлалъ его безсильнымъ къ выполнению своего назначенія въ этомъ мірѣ, и огрубляетъ народныя массы; вѣрять въ существованіе грѣха— есть величайшій изъ всѣхъ грѣховъ, такъ-что избавить человечество отъ вѣры въ Бога значить освободить его отъ величайшаго зла; выдуманная духовенствомъ религія держитъ людей въ потемкахъ, влечетъ ихъ къ неисчислимымъ проступкамъ и порокамъ, внушаетъ имъ ненависть къ ближнему и т. д.

Это богохульное отношеніе социалистовъ къ религіи невольно напоминаетъ слова Герцога *Веллингтона*, что „образованіе безъ религіи превращаетъ народъ въ псады сатаны“. И было-бы крайне опрометчиво оставлять социалистовъ въ покоѣ, въ томъ соображеніи, что, съ теченіемъ времени, безуміе ихъ идей и намѣреній обнаружится само собою, во всемъ своемъ безобразіи, и они безвозвратно погибнутъ... Люди, какъ люди, болѣе склонны принимать идеи неразумныя, чѣмъ благотворныя и мудрыя. И борьба, неустанная борьба, съ лжеученіями коммуны, матеріализма и социализма— составляетъ священный долгъ государства и общества и говоря вообще, социальный вопросъ долженъ разрешиться скорѣе на нравственной почвѣ, на торжественномъ исповѣданіи чистыхъ и истинныхъ идей Православія, а не на политико-экономической. Когда политическая свобода не сообразуется съ духомъ религіозно-нравственной дисциплины, то ей, какъ мы видѣли, весьма легко превратиться въ своеволіе и нанести величайшій вредъ обществу, которое, именно вслѣдствіе ложной свободы, пойдетъ скорѣе понятнымъ путемъ, нежели наступательнымъ, или прогрессивнымъ. И мы, точно, видимъ, что всѣ эти матеріалисты, коммунисты и социалисты— *съ похотью и стропотствоу сердца своего лукаваго идутъ на задня, а не на передня*. (Пер. 7, 24).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: Высшія правительственныя распоряженія: 1) Высочайшая благодарность. 2) Определеніе Святейшаго Синода— о недопущеніи въ церквахъ сборщиковъ въ пользу Общества „Краснаго Креста“. 3) О поступленіи воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. 4) Разныя извѣстія: Высочайшее повелѣніе— о прекращеніи карантинныхъ дѣйствій. Увольненіе въ отпускъ и праздное мѣсто. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ отправляемыхъ калмыками, кочующими въ Астраханской губерніи (продолженіе). 2) Славяно-русская цивилизація и православіе (продолженіе).

Редакторъ Я. Лебединскій.